приходит за отдыхом и восстановлением душевных и физических сил после прошедшего дня.

Одним из важных пространств ежедневного пребывания человека вне дома является рабочая зона- офис, кабинет и др. Тут лучше отказаться от большого количества синего, так как он может негативно сказаться на работоспособности, рассеивать внимание, понижать активность коммуникации. Белый цвет будет тонизировать, настраивает на оптимизм, зелёные и оранжевые оттенки предадут вдохновение, поспособствуют новым идеям, желтый взбодрит, однако его не должно быть слишком много, т.к. это ведет к переутомлению нервной системы, лучше добавить его в небольшом количестве через предметы декора. В общественных пространствах с большим скоплением людей (торговый центр, поликлиника и др.) желательно использовать светлые, не сильно яркие цвета. Они не вызовут ни у кого раздражения, не предадут помещению, с повышенным уровнем движения большого количества людей, еще более беспокойную атмосферу.

Вывод

При рассмотрении в этой статье основных цветовых особенностей и характеристик, таких как степень светлоты, насыщенность, «температура» цвета, а также закона дополнительных цветов и явления симультанного контраста, стало ясно, что цвет многообразен, способен визуально изменяться, что позволяет создавать множество новых цветовых палитр для интерьеров различных пространств, каждая из которых будет по-разному восприниматься людьми. Даже при использовании одних и тех же цветов, изменяя их по какому-либо из параметров, например, по насыщенности, располагая по отношению друг к другу иначе, производимое ими, визуальное впечатление, меняется. Кроме того, на основе результатов опытов и исследований нескольких научных деятелей, были подробно рассмотрены особенности цветового восприятия человека, влияния на него тех или иных цветов, из чего можно сделать вывод, что грамотные выбор и сочетание цвета в интерьере имеют большое значения в формировании пространственной среды. Визуально гармоничные, положительно воздействующие, цветовые пространства могут повысить качество жизни людей, создав комфортные условия для их ежедневного пребывания, которые будут соответствовать своему назначению, будь то отдых, работа или другие занятия. Это является необходимым обстоятельством для современного человека, живущего в режиме многозадачности, где не всегда просто сохранять баланс, быстро переключаясь с одного вида деятельности на другой, такие детали, как продуманное цветовое решение интерьера, помогут поддержать нужное состояние и настроение.

1. «Справочник по цвету» 1932г. М. В. Матюшин
2. «Искусство цвета» 1961г. Иоханнес Иттен
3. «Психология цвета» 2005г. Б. А. Базыма
4. «Учение о цвете» 1810г. Иоганн Вольфганг Гёте

Середа Н.В.

Отечественное городоведение: прошлые достижения и современные задачи

*Тверской государственный университет
(Россия, Тверь)*

doi: 10.18411/sr-05-12-2021-39

Аннотация

Автор подводит итоги изучения городов России нового времени в исторической науке советского периода и выявляет изменения взглядов и оценок российских

историков, начавшихся еще в советский период и активно происходивших после начала перестройки.

Ключевые слова: Россия, новое время, города, городское население, изучение городов, историография, правовое положение горожан, структура населения городов.

Abstract

The author of the article sums up the results of the study of the cities of Russia of the new era in the historical science of the Soviet period and reveals changes in the views and assessments of Russian historians. which began in the Soviet period and took place actively after the beginning of perestroika.

Keywords: Russia, modern times, cities, urban population, study of cities, historiography, legal status of citizens, structure of urban population.

Изучение городов много лет оставалось на периферии отечественной науки, в советский период в большинстве случаев подменялось анализом развития капиталистических отношений. Города рассматривались прежде всего как центры ремесленной и торговой деятельности, как колыбель капиталистических отношений, противовес феодализму. Преобладали работы социально-экономической направленности. Ученые скрупулезно подсчитывали количество городского населения, численность представителей тех или иных профессий, недвижимость, принадлежащую тому или иному лицу, той или иной семье[25]. Результаты исследований показывали, что в XVIII – первой половине XIX вв. городов, фабрик, заводов в России было очень немного, население городов было малочисленным. Отход крестьян в города на заработки и развитие промысловых сел изучались в тесной связи с историей городов, поскольку позволяли внести оптимистическую ноту в оценку уровня развития урбанизации. Факт малочисленности городов уравнивался многочисленностью промысловых сел, где крестьяне для того, чтобы прокормиться, занимались какими-либо ремеслами[2]. Факт малочисленности горожан отчасти компенсировался многочисленностью проживающих в городе крестьян, прибывавших туда опять-таки для того, чтобы найти источники пропитания. Такой подход нивелировал различия между городом и сельским населенным пунктом, не позволял четко понять различия в правовом положении горожан и крестьян-отходников, а значит — выявить специфику положения полноправных горожан, специфику городской жизни, городского управления, городской культуры. Все это, в свою очередь, оставляло почву для скептического отношения к русскому городу, его оценивали как город неполноценный по сравнению с городами Западной Европы.

Монография П.Г. Рындзюнского о городском гражданстве в России явилась всплеском романтизма в советской исторической науке периода хрущевской оттепели. Анализируя огромное количество фактического материала, П.Г. Рындзюнский был далек от мысли преувеличивать уровень развития экономики русских городов и их общественной жизни, степень свободы городских граждан в России. Тем не менее, монография стала своеобразным протестом против устоявшейся традиции оценки городов и процесса горообразования XVIII – XIX вв. как неорганичного явления российской действительности. Автор стремился доказать, что города возникали и росли не только по указанию правительства, но и вследствие другого, параллельного процесса. В основе его, по мнению П.Г. Рындзюнского, лежало стремление крестьян стать самостоятельными производителями, получить личную независимость. Следует сказать, что к реально свободным горожанам автор монографии относит лишь купечество, полагая, что существенных различий в положении государственных крестьян и мещан практически не было. По его мнению крестьяне стремились попасть в число мещан лишь потому, что из мещан было легко перейти в категорию купечества [19, с. 53–56; 554 – 556]. Момент перехода из крестьянского сословия в городское П.Г. Рындзюнский и многие

другие исследователи того времени отождествляли с моментом, когда крестьянам разрешали платить двойной сбор: по крестьянству и по купечеству [14, с. 353-534; 15, с. 119; 19, с. 53-56, 554 -556]. Такой подход был удобен, например, при подсчетах горожан по роду их занятий, но приводил к завышению численности городского населения, искажал представления о его структуре, преувеличивал противоречия между двумя основными группами городского населения: купцами и теми мещанами, которые не объявляли капитала, объединяя последних с крестьянами-отходниками.

В историографии того времени была распространена точка зрения о защите законодательством прежде всего интересов дворянства. В записывании крестьян в цехи на время исследователи обычно видели уступку дворянам, недооценивая значения этого факта для защиты интересов мещан. Должной оценки в советский период не получило все законодательство Екатерины II по формированию сословия “средних людей” [12, с.157; 14? с.353 –354; 15, с.93 –118; 16, с. 490].

. Даже П.Г. Рындзюнский относительную свободу горожан, искал прежде всего в законодательстве 20-30-х годов XIX в. и не уделял достаточного внимания Жалованной грамоте городам (1785 г.). Более того, статьи Жалованной грамоты, где речь шла об условиях, на которых крестьяне могли заниматься торгово-промышленной деятельностью на территории города расценивались П.Г. Рындзюнским как консервативные, затруднявшие переход крестьян в города[19, с.90 – 91] .

Управление городами и правовое положение горожан почти не изучались. При описании этих параметров городской жизни исследователи обычно прибегали к характеристикам дореволюционной литературы, в которой уровень развития российских городов расценивался крайне скептически. Некоторые из положений историографии XIX в. – начала XX в. [3, с. 169] хорошо вписались в марксистскую концепцию развития русского города [21? с.78 –81]

Картина изучения русского города оставалась такой вплоть до начала горбачевской перестройки, но в советской историографии 40-70-х годов можно встретить оценки, выпадающие из этого контекста. Ю.Р. Клокман и Ф.Я. Полянский писали о том, что Жалованная грамота городам не запрещала крестьянам заниматься ремеслом, она лишь запрещала записывать их в цехи на постоянное время [14 с.118; 17, с. 113 –114]. О необходимости различать полноправную городскую буржуазию и буржуазию крестьянскую писал Б.Б. Кафенгаузе[12, с.152]. На тот факт, что крестьяне жили в городах на разных условиях, указывали М.Я. Волков. Е.И. Индова. А.Л. Шапиро [3, 10, 27] Они подчеркивали, что помещичьи крестьяне, даже объявив капитал, оставались лишь частновладельческими крестьянами, со всеми вытекающими отсюда последствиями[2, 3, 11].

Именно эти и другие наблюдения зародили в душах молодых ученых зерна разумного скептицизма, которые дали всходы позднее и начали формировать в конце XX – начала XXI в. новую историографическую ситуацию в изучении русского города нового времени.

На ситуацию в развитии городоведения повлияло формирование в 60-е гг. так называемого «эпистемологического» направления советской философии. Разрабатывая общие гносеологические вопросы, философы этого направления расширяли возможности методологии отдельных наук, в том числе истории, подталкивали представителей исторической науки к созданию работ методологического плана и обсуждению методологических проблем. В середине 1960-х гг. создается сектор методологии Института истории АН СССР, возглавляемый М. Я. Gefтером, в рамках которого на основе сформулированного философами отказа от попыток создания унифицированной и законченной картины мира сформировалась новая концепция исторической закономерности. Ее основные положения сводились к представлению о том, что исторический процесс представляет собой сложный объект, подчиняющийся не

только общим социологическим законам, но и конкретным историческим закономерностям, которые определяются спецификой этой ситуации.

Формирование этого нового взгляда на исторический процесс происходило параллельно с созданием работ, посвященных исследованию процесса развития тех или иных явлений, объектов в отдельных регионах страны. Регионалистика продолжала развиваться и после закрытия сектора методологии истории. Ее успехи были во многом обусловлены складыванием региональных научных центров и школ, оформлением региональных отделений АН СССР. Как неотъемлемая составная этого направления исследований стали изучаться города. Значительные результаты были получены учеными Москвы, Санкт-Петербурга, Урала, Поволжья, Сибири. Они нашли отражение в систематически издаваемых сборниках научных работ [5, 6, 7] и в монографиях [4, 15, 28]. Складывание региональных научных центров и школ сузило рамки исследований, но привело к расширению круга используемых источников, к более тщательной их проработке, к формированию высококвалифицированных местных кадров исследователей. В научный оборот вводились акты XVIII – XIX вв., материалы топографических описаний, экономические примечания, документы административно-полицейского учета, списки купцов, ведомости цен, материалы текущего делопроизводства городских учреждений.

Проведенные исследования приводили неоспоримые факты о вариативности исторического процесса. Их значение трудно переоценить. Они не только шли в разрез с марксистским пониманием истории как процесса универсального и подтверждали правильность суждений философов, занимающихся проблемами методологии истории, но и создали основу для пересмотра целого ряда суждений, сложившихся ранее. В частности они противоречили сложившему еще в дооктябрьский период представлению о нечеткости положений Жалованной грамоты городам, что якобы и приводило к различному пониманию ее положений, а значит и к различному их воплощению [8, с. 127–128]. По результатам исследований В. Рабцевич выяснилось, что различие в реализации положений Жалованной грамоты городам 1785 г. было обусловлено не противоречиями текста Жалованной грамоты, а теми местными условиями, применительно к которым и происходила реализация реформы [18, с. 154–156]. Выводы конкретно исторических исследований хорошо согласовывались с разработками философов, начатыми в период хрущевской оттепели.

Лед тронулся в начале 80-х годов, события перестройки ускорили этот процесс. В наши дни происходит не только переоценка многих явлений жизни города XVIII – XIX вв., но расширяется круг проблем, являющихся объектом исследований, складываются новые подходы в изучении городов и горожан. Прежде всего, отметим те новые тенденции, которые выявились в проблеме структуры городского общества.

Все чаще ученые пишут об отличиях в положении крестьян, проживающих в городах, и полноправных горожан, пытаются выяснить специфику в положении последних, а также термин, которым обозначали эту категорию горожан, чтобы вычленив ее из остальной их массы.

И.А. Булыгин, исследуя законодательство начала XVIII в. о крестьянской торговле, подтвердил, что оно, разрешая помещичьим крестьянам заниматься торговлей в городе и записываться в купечество, не освобождало их от крепостной зависимости [1, с. 192], т.е. не меняло их сословной принадлежности, не делало их настоящими горожанами.

В.Р. Тарловская, анализируя торговую деятельность крестьян Поволжья, возражает против определения торговых крестьян как “сословной группы буржуазии”. По ее мнению “торговые крестьяне не являлись собственно городской группой, так как продолжали оставаться под властью феодала и подвергаться эксплуатации с его стороны”. В.Р. Тарловская отмечает, что крестьяне, записанные в посад для ведения торговли, несли лишь часть посадского тягла [26, с. 26, 158].

О неоднозначности отношения подмосковных крестьян к городам и городскому образу жизни пишет Е.И. Индова. По ее наблюдениям, далеко не все крестьяне стремились переселиться в города. Многие предпочитали работать в городе, а приписываться к околгородским селам [9, с. 176], поскольку за приписку к городу в середине XVIII в. надо было платить 40 копеек, помимо тех 70 копеек, которые крестьяне платили помещику. Для многих крестьян уплата 40 копеек за право заниматься торговлей и промыслами — была обременительной и ненужной. Большинство из них не могло завести свое дело и приходило в город, чтобы работать в качестве наемных рабочих. Однако крестьяне видели преимущества, которыми обладали полноправные горожане (право заключать торговые сделки, пользоваться субсидиями) и стремились к переводу своих сел на городовое положение, к получению статуса полноправных горожан [9, с.179].

На интересные размышления наводят результаты изучения положения так называемых разночинцев. И.Б. Сидорова считает разночинцами всех, кто принадлежал к посадку, но при этом не выполнял полный комплекс посадских повинностей. В частности, она отмечает, что разночинцы, будучи положенными в ходе первой ревизии в подушный оклад, были освобождены от таких традиционных посадских служб как соляная и питейная [24, с.13-14].

Возрастающее стремление ученых к точности гуманитарного знания выразилось в появлении текстологических исследований делопроизводственных документов и появлении новых суждений о содержании значения различных терминов, отражающих жизнь русского города и горожан, правовое положение различных категорий городских жителей. Исследователи неоднократно отмечали активное употребление в законодательстве Петра I термина «граждане» и предлагали различные его трактовки. В последние годы было сформулировано положение о том, что к «гражданам» города петровское законодательство причисляло лишь лично свободное торгово-промышленное положение города, положенное в подушный оклад по данному городу, а также лиц, не занятые в торгово-промышленной сфере, но записанных в ревизскую сказку с 120 копеечным окладом [20]. В конце XVIII в. в городах Тверской губернии эти люди составляли «городское гражданское общество». Запись же крестьян в посад или купечество, не давала им прав городского гражданства. В конце XVIII в. в число граждан не входили иногородние купцы и мещане, торгующие крестьяне, крестьяне, работающие в городе по найму, разночинцы, не внесенные в ревизскую сказку города. Владение недвижимостью на территории города также не делало ее владельца гражданином города [22, 23].

1. Булыгин И.А. Законодательство о крестьянской торговле в России в XVII – 60-х XVIII в. // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. – М., 1984. – С. 180-196.
2. Водарский Я.Е. Промышленные селения Центральной России в период генезиса и развития капитализма. М.: наука, 1972.
3. Волков М.Я. Формирование городской буржуазии в России // Города феодальной России М., 1966.
4. Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М., 1982.
5. Города Сибири: экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1974
6. Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск, 1987.
7. Деревня и город Урала в эпоху феодализма: Проблема взаимодействия. Свердловск, 1986; 8.Дитятин Н.Н. Устройство и управление городов России. т.1. СПб., 1875
8. Индова Е.И. Крестьяне и город центральной России в XVIII в. // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. – М.. 1984. – С. 171-180.
9. Индова Е.И. Московский посад и подмосковные дворцовые крестьяне в первой половине XVIII в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 479 – 485.
10. История городов Сибири досоветского периода (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1977

11. Кафенгауз Б.Б. Город и городская реформа 1785 г. // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 19562.
12. Кизеветтер А.А. Посадская община. М., 1903.
13. Клокман Ю.Р. город в законодательстве русского абсолютизма во второй половине XVII – XVIII в. // Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.). – М., 1964. – С. 320-354.
14. Клокман Ю.Р. Очерки Социально- экономической истории городов сЕверо– запада России в середине XVIII в.М., 1960.
15. Павлова-Сильванская М.П. Социальная сущность областной реформы Екатерины II // Абсолютизм в России. М., 1964. – С. 460-491.
16. Полянский Ф.Я. Городское ремесло и мануфактура в России XVIII в. М., 1960.
17. Рабцевич В. В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984;
18. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство России в дореформенный период. М.: Академия наук СССР, 1956.556 с 1700 – 1721. С. 76 –78
19. Середа Н.В. Городские реформы Петра I // От Нарвы к Ништадту: Петровская Россия в годы Северной войны.
20. Середа Н.В. Структура тяглого населения городов европейской России в отечественной историографии //Историографические чтения памяти профессора вИктора Александровича Муравьева. Сб. статей. Т.2. м.:РГГУ, 2013. С. 66 – 100.
21. ереда Н.В. К изучению терминов “гражданство”, “мещанство”, “купечество” (по документам городских магистратов Тверской губернии). // Мир источниковедения. М., 1994. С.97-101;
22. Середа Н.В.Городское гражданство России в последней четверти XVIII в. // Россия в X – XVIII в.: Проблемы истории и источниковедения. М., 1995. С.534-538.
23. Сидорова И.Б. Положение разночинцев в русском обществе (XVIII – первая половина XIX в.) Автореф. дисс. Казань, 1982. С.13-14.
24. Сорина Х.Д. К вопросу о процессе социального расслоения города в связи с формированием капиталистических отношений в России в XVIII - начале XIX в.: г. Тверь / Х.Д. Сорина // Ученые записки Калинин. гос. пед. ин-та им. М.И. Калинина. – Кали-нин, 1964. – Т.38. – С. 281-300.
25. Тарловская В.Р. Торговля России периода позднего феодализма. Торговые крестьяне во второй половине XVII – начале XVIII в. М., 1988
26. Шапиро А.Л. Крестьянская торговля и крестьянские подряды в петровское время // Исторические записки. М., 1948. Т.27
27. Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984;